

Она всегда знала: он ее бросит, и не расколется небо, не вылетит из трещины стайка ангелов, чтоб подталкивать ее и его друг к другу, ни один человек в мире даже не заболит, ну — разве что — разобьется одна чашка (просто выпадет из рук), а все остальное останется в целостности сохранности, слава Богу, потому что в этом сохранившемся мире она и построит свою семью — с другим...

Да, так все и случилось.

Она — это я.

А была я такой...

И вот что через 45 лет хочу сказать. Если б я вышла за него, за горячо любимого своего физика, я бы ничего не написала — ни

одного романа, а только смотрела бы ему в рот, была бы рабой любви. И даже если б разочаровалась в своей любви, я бы не смогла уже стать писательницей (для кого?).

А неразделенная любовь гнала меня к белому листу! Буквально! Я думала: уж он увидит, кого потерял, он пожалеет...

Пришла пора, и новые горести бросали меня к письменному столу.

Дело в том, что в нашей семье было четверо детей и еще пятая — приемная девочка. С шести до двенадцати лет. Ее выставка всесоюзная, в 1984 году в Тбилиси, покорила многих, и нам удалось выхлопотать на ее имя комнату.

Слово «приемыш» нынче считается обидным, но я его использую, потому что девочка нас после этого предала — ушла

к родной тете. Мы эту тетю шесть лет в глаза не видели, поэтому говорили:

— Ей нужна только твоя комната!

Но тетя пообещала ей джинсы, а джинсы в те годы были, как сейчас — мерседес...

Я безмерно страдала от обид и в то же время скучала без любимицы своей, начала даже писать картины, чтоб побороть депрессию.

Ну и роман! «Роман воспитания». Его мы с мужем вместе стали набрасывать. Всю правду хотели туда вложить — всю горечь. Сколько было бессонных ночей, болезней, операций, сдавали обручальные кольца и альбомы по живописи, чтоб добыть деточке путевки в санатории... и все закончилось предательством!

Но текст не шел! Получалось нечто обличительное... Даже юмор потеряли. И тогда я сказала:

— Давай не будем о грустном. Начнем с хорошего! Много ведь было и хорошего.

И роман пошел. Даже полетел! И не нужно думать, что мы исказили — приукрасили жизнь. Наверное, в душе Насти (в романе она Настя) было больше хорошего! Иначе как бы она могла писать прекрасные картины! Просто на поверхности не все заметно, не все явлено.

С «Романом воспитания» мы оказались на букеровском банкете. И за столом разгорелся спор об интеллигенции. В том числе прозвучало такое:

— Все, кто ничего не добился, называют себя интеллигентами.

— Но, — возразила я, — Мандельштам не был успешным при жизни, а теперь по праву считается лучшим поэтом XX века! Трудно вообще представить, какие картины были бы у Ван Гога, стань он успешным при жизни.

Цена за искусство часто бывает очень высокой, художник (поэт) расплачивается самой своей жизнью (смертью). И эта цена — как ни ужасно это звучит — входит потом в цену картин. Просто человек (зри-

тель, покупатель) не понимает, зачем мазки шли направо или налево, отдельно или нет, но он отлично понимает, что судьба была трагичной, что все отдано искусству, поэтому готов дорого заплатить за билет на выставку или за картину на аукционе.

Аспирантка, пишущая диссертацию по моей прозе, спросила про стратегию успеха. Никакой стратегии успеха у меня не было: все так просто — с утра нужно помолиться и сесть работать. А когда рассказ (роман) написан, послать его в журнал. Или на конкурс. Поскольку в стране есть некоторое количество людей, любящих литературу, то есть журналы и издательства.

Одна журналистка, помню, начала конкретизировать вопрос: а если написать для денег, для кино, для Запада? Так в годы застоя я получала письма от редакторов журналов, где просили написать о комсомольском лидере, который может повести за собой массы.

Человек, который сам не пишет (не рисует и так далее), все равно не поверит, что в том-то и дело, что мы работаем не совсем сами, кто-то свыше помогает все время. А помогает только тогда, когда цель — не деньги, не успех, а желание понять, что случилось, или желание передать свое тепло читателю (зрителю). Это и называю я вдохновением.

А ведь были у меня случаи, когда острая нужда в деньгах заставляла писать исторический роман, но оказалось, что князь Владимир Красное Солнышко закусывает помидорами (которые появились-то у нас всего 200 лет назад) — ни разу у меня ничего не получилось, потому что думаешь-то только о деньгах, и деревянные слова, что выходят из-под руки в этот миг, никого не согреют, не сделают умнее.

Массовая литература основана на подтверждении стереотипов. Детектив или любовный роман дают то, что известно, чего читатель ждет. Надо вам Золушку — вот вам Золушка!

А художественная литература создает новое (содержание, жанр, стиль). Новое не может быть воспринято всеми сразу, оно по определению не может быть успешным (исключения — подтверждение правила). Известно, что во времена Пушкина любили больше Булгарина, а во времена Чехова — ценили сильнее Потапенко.

Однако недавно я (для ответа на вопросы аспирантки) залезла в старые дневниковые записи и вдруг нашла буквально расписанную по пунктам «стратегию успеха»! Из советского 1980 года! Вот она:

1. Быть в резонансе со временем (не с властью, а с народом, его болью).
2. Быть самой собой, никому не подражать.
3. Все читать, чтоб знать, кого обогнать (или хотя бы не повторять).

Получается, что в свое время я сформулировала какие-то правила для себя, но все же имелся в виду успех не денежный, нет, целью было — состояться как автору.

Я пишу, потому что верю: литература нужна, она готовит почву для того, чтоб человек стал лучше. Всего лишь готовит почву, но какая это нужная работа! Я сама сколько раз спасалась литературой. В последний раз — рассказом Дины Рубиной «Мастер Тарабука». Я была в ссоре с очень близкими мне людьми, когда прочла в «Новом мире» эту вещь. Что со мной стало! Я остро почувствовала, как хрупок мир, а я-то в ссоре... и тут же я стала звонить, мириться, извиняться. Спасибо рассказу!

Королев (авиаконструктор) говорил: жаль, что нельзя послать в космос Лермонтова (сухие отчеты его не устраивали).

Космонавтам (с Земли) читали юморески: Жванецкий и другие. Нужна литература! Так можно было снять стресс у людей, заброшенных в далекий космос.

Есть известная история, как во время войны ранило летчика, и он думал, что не дотянет до нашего аэродрома, но по радио передавали «Синий платочек» Шульженко, и он дотянул... А песня написана на стихи, то есть — спасла литература!

Я всегда говорила, что человек, знающий литературу, более нужен в дружбе (с ним есть о чем поговорить), в любви (он и в люб-

ви объяснится ярче, талантливее), в семье (детям интересно с ним общаться). Он и в вагоне поезда хорош как собеседник, и в палате больничной сумеет утешить кого-то, отвлечь стихами.

Литература служит другим видам искусства! По Ремарку ставится балет, по Трифонову — фильм (нужна литература). Скульпторы ставят памятники писателям! Уже и в Японии открыли памятник Чехову!

Я знаю много историй о том, как литература исцеляет больных. Буквально. От смертельных заболеваний, от стрессов. Хакамада рассказала, как в юности хотела покончить с собой, но перед этим решила написать прощальное письмо в стихах. И написав его, расхотела уходить из жизни.

Моя мама (она работала кассиршей) в советские годы как-то сказала про Райкина-старшего: «Его слушаешь — все плохое отойдет от тебя!»

Вообще мы не помним, кто был королем при Шекспире! В веках остается только искусство и литература. От Перми не останется ни «Лукойла», ни «Моторов», а может, только стихи Леши Решетова.

Ученые поставили эксперимент. Две группы одинаково больных поместили в разные палаты. У одних был вид из окна — на цветущее дерево, у других — на бетонную стену. Первые быстро выздоровели. Анализы и приборы это показали. Наука! А Достоевский знал это сто лет назад: «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым!» Так что литература обгоняет науку в своих интуициях. Эйнштейн говорил о том, как много дает ему Достоевский!

Бродский писал: лучшее, что есть у нации, — язык нации, а лучшее в языке — это литература на этом языке.

На том букеровском банкете переводчик с английского рассказал нам, как он две недели пытался перевести одно имя «Цвета» (из «Романа воспитания»). В «Цвете» есть и цвет, и цветок, и неграмотность девочки, не могущей выговорить имя «Света». А в английском Флер — это точно цветок... как быть? Он отказался от перевода. Но тем не менее года новые переводчики берутся переводить —

и тоже оставляют работу незаконченной... Я же не теряю надежды, что когда-нибудь кто-нибудь доведет перевод до конца.

Иногда литература делает что-то престижнее. Так квартиры стоят дороже в доме, где вывеска: «В этом доме жил Бунин».

Литература и судьба читателя — как часто это связано! На меня в юности большое впечатление произвел рассказ Аксенова «Маленький кит, лакировщик действительно-сти». Такого ребенка мне хотелось иметь, так с ним общаться... Поэтому я родила так много детей. А они стали моими помощниками в работе: приносят сюжеты и словечки, критикуют написанное, замечают оплошности или длинноты. Спасибо Василию Аксенову!

Если б искусство было всего лишь наркотиком, как Фрейд считал, оно бы не давало новой информации (наркотик дает только то, что уже есть в личности). Правда, потом Фрейд более высоко оценил искусство, когда Фрейд и Эйнштейн написали, что искусство снижает уровень агрессивности (против войн).

Искусство — единственный на свете вечный двигатель. Богатство смыслов в каждом произведении только увеличивается! «Спит земля в сияньи голубом» стало еще и образом из жизни космонавтов, хотя Лермонтов о них и не подозревал.

Мамардашвили считал, что искусство — не украшение жизни, а орган жизни («О Прусте»). С его помощью мы чувствуем высшее: Бога, идеи и т. п. А еще раньше о шестом чувстве написал Гумилев!

— Никакой отдельной жизни нет, а есть только искусство! Жизнь — часть искусства! Она символична в каждом проявлении, поэтому она — искусство (Вячеслав Букур).

Литература уже жизни, но пронзительнее. Жизнь — как первобытный океан, она булькает, а литература — это настоящие организмы с богатым строением.

А символична жизнь, потому что она пропитана магией, которая с первых дней нянчила человека. Когда пришли религии, они стали пропускать магию через себя, нарос новый слой.

Приятель мой считает: Достоевский сам был в душе подпольным человеком.

Я же никогда так не думала, потому что подпольный человек не может написать гениальных произведений!

Федор Михайлович был так мудр и добр, что понимал и видел все.

Думаю, это у него от счастья — он ждал казни по приговору суда, а ее заменили каторгой! И счастье надолго его осветило (см. письмо брату об этом). Вот свет этот и позволял ему понимать и видеть все (хорошее и дурное в людях).

Фотограф спросил, глядя на мои разбранные записи:

— А как вы знаете, какой отрезок нужно взять?

— А кто-то свыше подсказывает.

— А нам тоже кто-то подсказывает, когда щелкнуть.

Дневники писателей очень нужны! Я Шварца («Живу беспокойно») читала раз семнадцать, ежегодно почти... они меня успокаивали перед сном. И некоторые истории (про то, например, как Шостакович спас незнакомого человека) меня вдохновляли, а некоторые много объясняли: например, почему жена ушла от Заболоцкого.

Мандельштаму раем бы показалась каторга Достоевского, ведь на каторге дважды в неделю давали мясо, да еще крестьяне приносили передачи как христиане.

Когда наши соседи по кухне (сильно пьющие) не дают нам жить, мы думаем о Достоевском — ему на каторге труднее было, может — таких соседей слишком много было.

Очень шумели соседи-девушки. У них все время юноши, пьют, матерятся, коридор прокурен, бегают, кричат, хлопают дверьми... Потом видели мы в десятый раз «Идиота» — скандалы у Достоевского мужу показались чрезмерными. Я говорю: а эти соседи?! Они же точно такие!

— Мандельштам — инобытие Гомера. Он — возрожденный вечный поэт. (Слава Букур)

Рассказ Трифонова: Шагалу показали репродукцию его старой картины. Он воскликнул:

— Каким нужно быть несчастным, чтоб это написать!

Мои рассказы припахивают горелым: если курица варилась, а рассказ пошел, то курица выкипит и пригорит... Видимо, это священная жертва рассказу.

Я думаю, что поэзия нужна человеку — ребенку — с первого дня (мама поет колыбельную), а возможно, еще и при зачатии он (она) слышал, как папа читал маме стихи любимого поэта.

Поэзия нужна — чтоб стало легче, чтоб мы не умерли от трагизма жизни (Ницше).

Поэзия нужна, чтоб стало труднее, чтоб мы запомнили какой-то момент жизни (с волнением прочтя о нем, перечитывая) — это сказал Шкловский.

Поэзия нужна, чтоб сохранять себя как свободную личность. Ведь она — ворованный воздух (Манделштам).

Поэзия лечит — моя учительница вылечилась от рассеянного склероза, когда выучила поэму Решетова «Хозяйка макову» (она решила — значит, нет такого диагноза, раз смогла выучить).

Поэзия нужна, чтоб песни сочинялись на стихи, чтоб гимны были, чтоб в детстве дети усваивали из стихов прелесть родного языка.

Ну, Достоевский написал «Бесов», а революция все равно случилась. Значит, писатель не влияет на жизнь общества, а только на личность. Но и не всякую личность!

Следователи НКВД, которые вели дело Манделштама (Гумилева, Пильняка, Бабеля), тщательно все читали — и становились все хуже. Поэтому возможен такой герой, как в «Кыси» у Толстой (читал и становился хуже).

Слава так любит космонавтику — говорит:

— Я бы всего Чехова поставил в скафандрах. Они в комнате ходят в комбезах космонавтов, а если пришли с улицы, то снимают скафандры или шлемы.

— И даже «Вишневый сад»?

— Тем более. Деревья будут с какими-то щупальцами. (Причем Лопахина сад особенно часто пытается утащить — ходит Лопахин поэтому с топором, входя в дом, отряхивает присоски щупалец.) В конце одно утаскивает Фирса после слов: «Эх ты, недотепа!» Чмок, и утащило... И иногда после разных реплик, второстепенных. «Лошади поданы» — чмок, щупальцы ухватили и унесли наверх. Время от времени деревья прорастают в дом, с ними борются... дом трескает, а Раневская все: «Садик мой вишневый! Как я тебя люблю!» В конце дом заваливается.

С экрана спросили: какими двумя словами можно определить Ван Гога? Я сказала в экран: «Страстность и трагичность». А мои картины — какими словами? Яркость и парадоксальность (страус еще и автопортрет: то я голову в песок, то побегу-побегу и многу успею сделать).

Говорю мужу: «Как странно, что ты — глубокий меланхолик, интроверт, готовый сутками лежать с книгой, — любишь Стравинского с его бешеными ритмами». —

«Потому что я его представляю в виде пульсирующего кристалла, который я сразу могу охватить всем существом».

Говорят: любовь начинается с удивления. Думаю, в том числе и любовь к рассказу (к повести). Но почему же в последнее время хочется начинать обычно, как у Чехова? Наверное, потому, что только в молодости любят за что-то удивительное, бьющее. А в зрелом возрасте любят за человечность, за понимание.

— Чем хороший писатель отличается от плохого? Он больше любит всех. А мир-то одинаков вокруг плохого и хорошего писателя. (Вячеслав Букур)

Грабарь просил Эйзенштейна дать честное слово, что кино есть искусство. (Тот дал честное слово, и Грабарь открыл в Академии отделение.) Кто-то бы дал мне честное слово, что мои картины — искусство... Слава считает, что сирени у меня вообще пошлы. Но тут по ТВ мелькнула «гора» Сезанна, и все мои картины поблекли. И только сирень выдержала...

«Черный квадрат» Малевича — предупреждение: к чему может прийти человек, отрицая. Анτισвет. Антиикона. (Букур) А я думала: Черный квадрат — это размышление о грехах: как у Мандельштама («Все одинаково темно; все в мире переплетено моею собственной рукою» или «Там, где эллину сияла красота, мне из черных дыр зияла срамота»).

А еще я видела передачу про лоскутное одеяло, и там прозвучала примерно такая фраза: черный квадрат в центре одеяла словно удерживает каким-то силовым полем

все разноцветные лоскутки. Может, у Малевича в детстве было лоскутное одеяло с черным квадратом в центре.

Муж искал детали для рассказа и говорит: «Ты слишком всех маскируешь!.. Уж сразу пиши: «инопланетянин Н. задумчиво перебирал щупальцами».

Муж готовит обед. И входит ко мне с половинкой синей луковицы:

— Такую красоту можешь в натюрморт добавить? (я вчера написала фрукты на черном столе).

— Ты думаешь, что я — Веласкес?

— Нет, я так не думаю. У тебя в «Исцелении бесноватого» нет ощущения священного ужаса. А у Веласкеса всегда есть.

Пересмотрели «Дядю Ваню» со Смоктуновским. «Профессор — сплошная воля без таланта, а дядя Ваня — талант без воли». (Вячеслав Букур)

Вот живешь, очень любишь Гамлета, много о нем думаешь. И вдруг — как гром среди ясного неба — абсолютно новое объяснение пьесы! Оказывается, для Шекспира Гамлет — олицетворение истинной католической веры, а король — англиканства. Кто был прототипом Полония, современники отлично понимали. Я же понимала пьесу в духе Просвещения: настоящий гуманист долго раздумывает, мстить — не мстить. И когда мстить и как? Это все вот к чему веду. Нам говорят: почему у вас так много современных бытовых конфликтов в рассказах,

писать нужно о вечном! Но нет, нужно, как Шекспир, писать только о том, что мучает и волнует. А вечные смыслы образуются как-то сами, волшебным образом.

Иногда искусство создает идеи, которые обгоняют науку («зорб» у Босха?). Для научных открытий нужно уметь мечтать, а что лучше развивает мечтательность — конечно, искусство!

Пермский поэт Алексей Решетов читателя ставил выше автора: мол, тот может привнести в стихотворение то, что сам поэт даже и не вкладывал. Есть ли еще в мире такой щедрый к читателю автор?

— Чтение настоящей литературы требует сил.

— Нет, чтение настоящей литературы должно давать силы. (Я)

Пелевин пишет: «Слова ведь одни на всех, и кто только не пробовал складывать их так и эдак». Нет! Слова не одни на всех. Для каждого каждое слово — не одно и то же! Я не использую слово «духмяный», а кто-то вполне его считает нужным для книги своей.

Раньше я не хотела читать мемуары. Мол, энергия поступает только из художественного текста. А теперь считаю, что истина важнее энергии.

— «Дон Кихот» — это книга о том, как пермский интеллигент столкнулся с конкретными пацанами. (Друг дома.) Хороший сюжет для современной повести.

Юра Фрейдин на вечере Натальи Горбаневской сказал мне:

— Слежу за вашим творчеством. Начните писать добрые сказки, и вокруг все изменится. Сосед утихнет.

А рядом со мной стояла Людмила Улицкая. Она говорит:

— Юра, писатель может писать только то, что пишется.

И оба были правы. Дома я получила письмо от Яна, что нужны для «Экслибриса» сказки. И мы стали писать. И сосед молчал. Но через год сказки прекратились...

Друг, на мой вопрос, какие стихи он считает хорошими: «А вот такие, которые в больнице переписывают». Рассадин сказал, что у него мурашки от хороших стихов, процитировал и Твардовского: хорошие стихи прочтут люди, стихов вообще не читающие. А для меня хороши те, которые запоминаются сразу. Или те, которые хочется перечитывать много раз.

Послушала Костю Райкина. Он говорил про энергию зала, которая подкачивает актера («вольтова дуга между залом и сценой, экстаз взаимопонимания»). А литература бескорыстна. Она дает читателю энергию, ничего не требуя взамен. И дает так много: читатель со-творец — он и артист, и режиссер, и художник по костюмам (может и музыку подложить под действие, которое воображает, создает сам). В это время читатель занимается невольно арт-терапией, излечивается от некоторых комплексов.

Читатель со-страдает герою! То есть страдает в снятом виде. И становится чище. Без страдания не стать чище, но кому пожелаем страдать? Никому. Зато пожелаем со-страдать.

Недавно видела нашу приемную дочь в стоматологической клинике. Она сделала вид, что меня не узнала. Это ветряная мельница, которую мы приняли за великана.

— Винни-Пух — это вечный образ, это Обломов. (Слава Букур)

Обсуждали «Крейцерову сонату». А я ранее возмущалась, что Достоевский со своей падучей сделался гением, а Мышкина свел с ума, так в «Крейцеровой» не по сердцу мне, что Лев Николаевич героя сделал убийцей. Я бы так не могла. Но ведь говорил же Игорь Виноградов: «Горланова — не Достоевский».

Читала в «Звезде» отрывок мемуаров Вячеслава Иванова о Пастернаке. Там Пастернак два раза заводит с Вячем разговор о строке Бодлера, что только страдание прекрасно, только из него рождается настоящее искусство... а потом удивляется — Стасик в порядке, а играет талантливо... (он не считал, что Стасик — сын Зинаиды Николаевны от первого брака — переволновался, когда мама металась между отцом Стасика и БЛ)...

У Пастернака «Старость — это Рим, который»... из Мандельштама, я думаю («Природа — тот же Рим...»).

Вчера по «Культуре» слышала трактовку «Авиньонских девиц»: мол, это такое «Искушение Св. Антония». Я когда-то думала, что публичный дом огрубляет женщину, и это

отразил Пабло. Потом думала: африканские маски вместо лиц выражают идею: проституция — это осколок первобытного обряда промискуитета. (Есть у жриц любви примета, что первого клиента надо обслужить бесплатно; после этого будет большое изобилие.)

Возрождение — это что такое? Древнегреческим искусством заинтересовались потомки варваров, в свое время разрушивших Европу почти дотла. Может, и потомки нынешних мигрантов заинтересуются искусством Европы.

Спросили, почему я больше написала рассказов, чем романов. Но это от нас не совсем зависит. Мы часто хотим написать повесть или роман, а в итоге получается рассказ. Но, правда, Вениамин Смехов написал, что каждый мой рассказ — «это микророман, как у Чехова».

Анекдот. Из сумасшедшего дома один позвонил в банк: «Вы даете кредиты сумасшедшим?» Пауза. Затем: «Даем. Но под сумасшедшие проценты». Это про людей искусства — часто им приходится за все расплачиваться сумасшедшими процентами.

Писатель и insult. После insultа как магнитом тянуло за компьютер, казалось (буквально — видение): там прекрасные цветы! Это буквы, слова, словарь, язык — возможность составлять из них букеты — предложения. Кроме того, я всю жизнь мечтала написать стихи, близкие некрасовскому «Вчерашний день, часу в шестом».

И только после инсульта (во время выздоровления) они явились:

*Хожу по коридору
инсультного отделения
и мажу всех маслом
святой Ксении,
приговаривая:
я тоже здесь лежала —
скоро и вы
пойдете ножками!*

— Женщины у Модильяни — как плоды с дерева. Словно есть дерево, на котором растут эти женщины. Словно, если повернуть, между лопатками у каждой есть черешок, которым она прикреплялась. (Вячеслав Букур)

Сны эпохи капитализма! Видела: изобрели два в одном — духовная пища соединена с обычной. Это такой суп из болгарского перца. Когда его начинаешь есть, в голове показывают кино, которое есть спектакль по роману «Война и мир». И я говорю мужу во сне: «Все-таки это мне не по душе, процесс поглощения супа мешает углубиться в фильм — лучше бы все отдельно!»

Мое хокку:

*Вот и Мандельштама уценили
До 30 рублей!
Когда бы грек увидел наши игры!*

Моцартов в прозе не бывает. Никто в пять лет ничего гениального не пишет. Все-таки литература сложнее музыки.

Литература — удочка, которой мы улавливаем прошлое. (Я — в разговоре с другом)

Посмотрели сериал про Ахматову. Там она говорит, как отличить подлинный талант от неподлинного. На травле Ахматовой один критик построил двухэтажную дачу. У каждого подлинного таланта есть свой зоил, свой Плоткин, говорила Анна Андреевна. У меня — М. А. Да и те, кто устроил суд надо мной. Муж говорит: «Работают над твоей подлинностью».

Видели программу об Эрнсте Неизвестном. Я задумалась: Хрущев боялся непонятого искусства? Так первобытный вождь боится непонятого, которое магически разрушает все, в том числе его власть. Он тут же начинает свою магическую атаку: «Пидорас!» То есть: ты неспособен к увеличению рода, урожайности, я тебя уничтожил. Эрнст принял на время правила игры и на том же уровне ответил: «Давайте приведем баб, посмотрим, кто больше вы...ет».

4 августа 2008. Умер Солженицын. Сколько нам он дал в свое время, нашим юным умам! И снился мне как герой (об этом рассказ «Значок С»)... Когда во время перестройки первый фильм — интервью? — из французского ТВ показали у нас, я заплакала все время показа (от счастья). Его спросил журналист: «Что вы сказали бы Богу при первой минуте встречи?»

Я сразу подумала:

— Господи, благодарю Тебя!

А он отвечает:

— Господи, прости меня!

Солженицын, идя направо, пришел на- лево. Он искал язык древних корнесловий и пришел почти к тому же, что и Хлебников: темной зауми.

Вчера прочла книгу Вирджинии, второй жены Шагала. Просто удивительно: если он побил ее, так она что, вернется в брак, как в стойло? Помимо некоторого разочарова- ния в Шагале, я поняла, что для известности живописцу в самом деле нужно жить в Па- риже и очень-очень много делать всего для пиара. И Шагал делал. Это ни хорошо, ни плохо, но для меня уже недоступно. Стран- но, но от этого желание писать картиночки у меня не исчезло. Слава предлагает на- писать «Жили у бабуся два веселых гуся»: один гусь в очках, другой — с бабочкой. А бабуся с плеером. И еще сюжет: «Я защи- щаю Вирджинию от удара кулаком Шагала, бросая его через бедро».

Вирджиния приводит диалог о картине Марка Шагала, цитирую по памяти:

— Как объяснить, что все вверх ногами?

— А не надо ничего объяснять, и без слов всё нравится. Ты же видишь, что это пре- красная картина?

— Я вижу, но мне все же нужны какие-то слова, объясняющие, почему это хорошо.

— Тебе нужны слова — ты их и придумы- вай. А мне и так хорошо.

Гете говорил: гений, кроме таланта, дол- жен получить великое наследство. Приво- дил пример: Наполеон получил в наследство французскую революцию, а сам Гете — тео- рию света Ньютона, что ли.

Пушкин получил в наследство победу в войне 1812-го года.

А Булгаков — что? Опыт гражданской войны — невиданный по силе?

А я получила в наследство оттепель, 20-й съезд, свободу некоторую.

В юбилей Чехова президент Медведев летал на родину писателя — в Таганрог (цветы возлагал и т.п.). Он взял с собой только режиссеров, то есть хотел через них и театры влиять на избирателя.

Рубинштейн Г. В. мне написал, что Пла- тонов не был дворником. А я ответила, что если б был, то гения не унижает ничто. В этом смысле гений и простой человек — равны: никого не унижает труд.

Когда обсуждали мой суд, Кальпиди ска- зал: «Надо было тебе, мать, в поэты идти. На поэтов в суд не подают, их вообще не по- нимают».

— А Бродский?

Один человек говорил на выставке: здесь нет вечности, а вот эта женщина — вечно идет.

Я подумала: у меня тоже в некоторых картинах рыбы вечно плывут, цветы — веч- но цветут, но в большинстве именно миг неповторимый видится, и это тоже здоро- во. Монументальность хороша в небольших количествах.

Прочла в «Логосе», что Витгенштейн, по- лучив большое наследство, 100 тысяч марок отдал писателям и художникам (Рильке, Ко- кошке и др.). Так и хочется сказать: спаси- бо! (от имени Рильке).

Витгенштейн говорил: «Хочется, чтоб моя философия что-то улаживала, приводила

в порядок». А нам тоже всегда хотелось, чтоб наша проза что-то улаживала, проявляла про душу человеческую.

Хемингуэй считал, что несчастливое детство — лучшая школа для писателя. Но, возражаю я, несчастливое детство у многих, а писателей маловато... значит, дело не в этом.

Из дневника Толстого, от 27 июня 1894 года: «Вспомнил знаменитое Колечкино изречение, что критика — это когда глупые говорят об умных». (СС, т. 19, стр. 503, Худлит, М., 1965).

А я считаю, что критики много мне дали!

Флобер: «О книге судишь по силе тумака... и по количеству времени, какое нужно, чтобы прийти в себя». А я после хорошей книги хочу бежать к друзьям и дарить подарки.

«Всечеловеческого или всезаячьего свойства» (критик Михайловский написал о Достоевском — в своем смысле я эти слова хочу использовать — для себя, чтоб меньше всезаячьего в себе оставлять, не трусить и посылать острые рассказы).

Разбирала архив. Нашла рецензию С. На мою прозу. «Положительных героев меньше, чем отрицательных». Так это не электричество — заряд положительный, заряд отрицательный.

Поэт Р. свято относился к поэзии — Баркова не признавал. А матерился сам порой! Как всякий мужик, который в шахту спустился!

Верный признак настоящего поэта: если он может написать стихи о любви!

Лица у пермских «богов» не прекраснo-итальянские, а косенькие, уральские. От этого их еще больше жалко, еще больше любишь... А номера эти страшные инвентарные, которые на руках-ногах скульптур! Прямо получились узники советского ГУЛАГа искусств.

Продолжаю коллекционировать определения гениальности. Слышала по ТВ: гениальность — это терпение: ведь нужно искать и находить, снова искать и снова находить. Так еще Нина Заречная считала: главное — умение терпеть. Талант от неприятностей запьет и погибнет (или бросит от отчаянья трудиться), а гений будет терпеть да работать.

После фильма «В бой идут одни старики» один юноша-преступник, скрывавшийся в кинозале, пришел в милицию и раскался в своем преступлении. Это уникальный случай прямого воздействия искусства на жизнь.

И все же игра на понижение давно идет. Я могу сказать, от кого надо спасать культуру. Даже не от чиновников, которых легко сменить. Спасать придется от засилья массовой культуры. И если после смерти Ван Гога его картины были спасены и стали занимать свое место в лучших музеях мира, то гени-

альные картины Ситникова недавно выбросили в мусорку после смерти художника, потому что настоящее искусство не в цене, в цене только то, что продается (и хорошо продается). Не случайно появилось слово «правдёнка» — так называется правда в сериалах. Имеется в виду убедительность. Русский язык всегда найдет суффикс, чтоб выразить свое презрение. И слово «тиражок» появилось недавно. Тиражи упали.

Массам нужны мифы — они регулируют поведение, поэтому внутри мифа так уютно, там все известно, там золушка всегда станет принцессой. А с другой стороны, в истории остаются только шедевры. Масскульт не остается. Раневская говорила: «Искусство и прыщ вскакивают всегда на самом неожиданном месте».

Филонов мечтал, чтобы картина висела без гвоздя. А Слава Букур мечтал лет 40 назад, чтобы рассказ повисал перед читателем, минуя книгу. И интернет исполнил его мечту.

Ангел-хранитель читает за моим плечом.

Слова из литературы часто сбываются. Мой друг поэт Юрий Власенко написал двустихье: «На тот свет / Из этой темноты». И умер...

— Нина! Только не вставляй это в литературу!

(Уру-уру, как говорит в таких случаях муж, напоминая об анекдоте: «Только не бросай меня в колодец... одец...одец...»)

Дети наши играли, и нужно было назвать собак из литературы. У меня всплыли Муму, Белый Бим, Белый Клык, Шариков, Собака Баскервилей, Банга (у прокуратора), Каштанка, Лев и Собачка, Слон и Моська, дама с собачкой, Верный Руслан, «Как я съел собаку» (Гришковец), даже пес Артамон (Бурадино) и «Дама сдавала в багаж...» В конце концов я назвала черного пуделя из «Фауста» — и победила.

Кузя, Мурка, котятка, черепахи, крысы, мыши, паучки, двухвостки, мокрицы, а также моль фруктовая, которая вылетела из мешка яблок, насушенных девочками у бабушки, — все это тоже идет, конечно, в прозу у меня! Правда, моль фруктовая пошла уже не в литературное дело, а застыла на груди — на месте сердца — свеженаписанной маслом пресвятой блаженной Ксении Петербургской (моей самой любимой святой!). Так она там и осталась как элемент целого... Видимо, так зачем-то было нужно, чтоб крохотный сей мотылек там оказался (ибо и других святых я писала, и вообще каждый день почти пишу, но на другие картины мотыльки не садятся!).

Все живое — от гриба чайного до плесени, найденной внутри картофелины (которая была прекрасна, как все живое — я имею в виду плесень, ярко-голубую)... идет в прозу, пригождается. Хотя в жизни оно требует немалых хлопот и усилий. Котят, например, надо продавать! (Всего мы уже за чисто символические копейки продали около восьмидесяти котят от двух кошек.) И надо терпеть, когда кошка учит их ночами ловить мышей (ночи напролет с дикими криками они носятся по дому!). К тому же они то прописают все мешки с записями, то сама кошка сжует главу романа, делая вату для гнезда... И каждый раз это не шуточные проблемы... («А ты как хотела, мой маленький!» — восклицает на этом месте Роберт Белов, которому я горестно сие излагала)...

Один раз я принимаю у кошки Мирзы роды — трудно, котятка идет хвостами, тут же дети зовут меня на кухню: муха в грибе чай-

ном! Я прямо закричала: «Не могу же я всей природе помогать одновременно! Кошке — помогать рожать, грибу — делать напиток!» Естественно, что Мирза послужила прототипом многих кошек в моих рассказах. Но однажды она исчезла. Видимо, бомжи съели. Вскоре у нас появились Кузя и Мурка, про них написан рассказ «Мурка».

Да не обидится литература на то, что пригодилась для мира животных! У моей подруги крысика зовут Басё. А у Н. Н. черепахи Онегин и Татьяна: оба самцы! и притом каким-то образом покушавшиеся на невинность друг друга... чудны черепахи дела... у одной нашей дочери черепаха Машка оказалась самцом! И теперь ее переназвали! Она была Машка — стала Эрих-Мария Ремарк.

Писатель Х.:

— Мечтаю встретить пришельца. Мне за шестьдесят — все уже видел: славу, деньги, три брака, рыбачил в Венесуэле, тонул на реке Вишере.

— Тут с людьми-то порой не знаешь, что делать...а еще пришельцы... (Я)

Я сказала приятелю:

— Жена твоя напала на нас — не так мы описали одно событие...

Приятель ответил:

— Дети мне сочинили стишок:

*Папа-папа, не пиши!
Если пишешь — не пиши!*

Марина Абашева: «Все вещи Горлано-букуровские — рождественские! Там есть драматическое приключение, которое заканчивается светло». (Спасибо! Мы к этому и стремимся!)

На моем юбилее одну игрушечную звезду прицепил мне на пуговицу пиджака Паша Печенкин, всему залу объявив, что это «Рождественская звезда Российской Федерации». Так я с нею и выступала, принесла домой — на память...

Получили письмо от критика Н. Я писала ему, что старческий эротизм героев в современной прозе уже изнурил меня как читателя. Он отвечает: «Автор может заблуждаться (и сильно), если он не забавляется и не выпрашивает призов».

— И до самой смерти так буду писать.

— А может, и дальше. Там, может, пишу что-нибудь. (Слава Букур)

Я говорю мужу: числят нас по провинциальному ведомству, якобы мы пермские авторы. А я упорно считаю себя российской писательницей.

— Ничего, через сто лет разберутся — китайские исследователи русской литературы, — ответил он.

Я думаю: настоящее искусство — не один шаг (к читателю), а два — когда читатель еще бежит всем сообщать: это чудесная вещь!

Картину старую (рыбы) я поправить хотела... а стало хуже!

Слава Букур:

— Гений — это тот, кто умеет вовремя остановиться...

Все счастливые писатели счастливы одинаково, а несчастные — несчастны по-разному.

Счастливые на все гонения отвечают работой, свои обиды и комплексы перерабатывают в сочувствие другим.

Пушкина не любила мать, не любила власть, а он подарил нам столько гениальных томов!

У Толстого мать умерла рано.

У Достоевского рано убили девочку, с которой дружил, потом убили отца.

Гоголь был золотушный лет до шестнадцати, Чехов детство провел под тиранией отца.

И все они — классики.

А несчастные писатели-художники то уходят в запой, то подлизываются к власти, то ради денег напишут массу скульптур, то вдруг начинают искать врагов или пасти народы — во всех этих случаях талант съезживается... Как начинал Фадеев!..

(Правда, Гоголь и Толстой побывали в обеих стадиях — в конце стали пасти народы. Толстому мало было быть Толстым, изобрел свое учение, отказался от Господа... Гоголь тоже вообразил себя... — в «Избранных местах».)

— Народ не создает, он излучает... (Слава Букур)

Я и раньше встречала, что публика, ждущая смешного, смеется там, где все серьезно. Так П. в студенческом концерте читал Лермонтова, а зал знал его комиком и хохотал (тем более что П. от волнения потянул

за ниточку свитера и весь его почти распустил, когда тянул нить). Но вот впервые такое случилось со мной. Сначала я рассказала смешную историю, как мои дочери легли на снег, чтоб выяснить экспериментально, кого больше на свете — хороших или плохих людей. После этого зал смеялся уже все время! «Мы хотели написать повесть, хорошо знаем мир проституток, одно время у нас соседка по квартире была таковою». Хохочут! Я стала возражать: «Тут ничего смешного, мир их — непростой, там много романтической надежды вырваться в другую жизнь, но много и вранья»... Не помогает. Что бы я ни сказала: хохот. Где берешь доски для картин? «Одно время моя подруга работала завхозом в школе и давала мне их в большом количестве». Начинают хохотать еще на слове «завхоз», как будто я не могу дружить с завхозом.

Х. ругает Платонова: за коммунизм, за беспомощность в построении вещи, за насилие над языком. У самого Х. нет ни коммунизма, ни беспомощности, ничего, но нет и гениальности, вот в чем дело. А Платонов духовную составляющую любого человека так понимал, что выше его нет никого. Я всегда говорила, что Платонов выше Данте, выше Шекспира... И никакого, конечно, насилия над языком нет! Читала я том записных книжек Платонова: там такая же речь крестьян. Да и сама я в деревнях Акчим слышала подобное. И мои бабушки и деды примерно так выражали свои мысли.

Читаю мемуары о Введенском. Он с сыном приехал к Друскину в гости. Друскин стал с ребенком заниматься, как чинарь: корову называть трамваем, трамвай — коровой. Введенский сказал: «Роди своего сына и воспитывай таким образом». Т. е. они думали, что своим абсурдистским творчеством

отражают послереволюционное время, но для своих детей хотели другого времени и другого творчества.

Сны в литературе — отдельное счастье.

Какой сон снится чеховской Душечке, когда она замужем за торговцем лесом: бревна идут на них войной стоймя... А ведь образ шагающего леса еще у Шекспира был. Там в предсказании: мол, это случится, если Бирнамский лес сдвинется с места.

По Эху говорят о беспорядках в Москве (Манежка). Тревога за друзей, за то, чтоб РФ не распалась... и в то же время висит моя новая картина «Святой Антоний проповедует рыбам» — такая яркая! Я говорю мужу:

— Как же получается? В стране ужас, а я пишу такие яркие картины! Почему?

— Чтоб накопить силы для выживания... Антоний проповедовал рыбам, а мы об этом узнали! Хотя рыбы ничего не говорили! Так и мы: будем писать птицам за окном, бабочкам, пчелам, и когда-то об этом узнают!

Вечером смотрела ТВ, думала при этом о сказке, и вдруг в некоторых местах текста ее мысленно увидела зеленые листочки — они распустились на моих глазах! Это значит, что в некоторых местах нужно оживить яркими деталями, подумала я.

— Нина! Если б я знала, что вы писатели, я бы так не откровенничала.

— Не беспокойтесь, мы все меняем: пол, рост, цвет глаз. Только планету пока оставляем ту же самую.

...сон, что я подаю свой рассказ «Любовь в резиновых перчатках» в виде блюда на стол. Там любовная линия Капы и Боба дается отдельно в виде мяса с салатом (зеленые листья), еще отдельно политическая линия (КГБ и пр.).

(Ранее мне снился рассказ «История озера Веселое» в виде дворника, который метет двор, — точнее это была дворничиха, в длинной юбке с маленькой головкой, как в карикатурах рисуют... то есть раньше рассказ должен был чистить жизнь, а теперь что получается — он должен насыщать?)

Разговор с другом. Он сказал: над книгами Достоевского не плачут.

Слава Букур:

— Как плакать над тем, что деньги сгорели? Ганя потерял сознание, это все равно что коллапс и образование черной дыры. Не предъявляем же мы к черной дыре претензии, что из нее не идет свет. В ней — сверхплотная концентрация материи, а у Достоевского — сверхплотная концентрация чувств. Слезы — это разрядка, а он против разрядки чувств в этом мире... своими силами надо над душой работать, а не силами Достоевского.

Посмотрели мы сейчас отрывок из «Гамлета» с Лоуренсом Оливье. Включили на том месте, где Гамлета послали в Англию. Слава: «Это был первый философский пароход». Никогда Офелия так не была актуальна, как сегодня. Ее монолог — это мой монолог: «Вот и знай после этого, что нас ожидает...» И через секунду — приступ оптимизма: «Надеюсь, все к лучшему?»

Так мы и живем: не зная, что нас ожидает и временами впадая в неестественный оптимизм.

- Он ушел из газеты.
- Куда?
- В Толстые.
- А я не в Толстые, а подразумевалось, что в Лесковы. (Так говорили в Перми в 80-е)
- Ты не в Лесковы ушла, а в Горлановы.

Дочитала книгу о Шекспире. Когда зять-доктор появился в их семье, медицина вошла в содержание пьес (это ли не доказательство, что он сам написал все)!

Тост одного поэта на торжественном ужине:

— Женщина была ангелом. Увидела мужчину на земле: они ничего не умеют, писать не умеют. Она спустилась к ним, и они нашли, о чем писать...

Я:

- Гениальный тост!
- Я вообще с детства такой.

Один поэт (потомок скифов) говорит тост:
— Осетины говорят: «Клянусь святым Георгием!» А еще говорят, что раньше св. Георгий говорил: «Мужчиной клянусь!» Чтобы мы были такими мужчинами, которыми можно клясться! И вообще, лучше мужчин-писателей Бог не создавал никого!

Видели передачу про Розанова. Мы придумали проект памятника Розанову: в кустах он сидит на стуле и пьет чай из блюдца, а в другой руке — ложка с вареньем.

Мне часто снятся памятники писателям и литературным героям.

Памятник Мандельштаму — в духе пермских богов. Сидит — щеку рукой подпер, в больничном халате, халат — в полоску. Кажется, ярко раскрашен огнеупорными красками.

Однажды приснилось: в Перми на площади стоят камни с вырезанными на них стихами Пастернака и Мандельштама, Решетова и Кальпиди.

Как-то приснился памятник Алексею Решетову: поэт подвыпил немного, замер в полупадении — вперед наклонился, с раскинутыми руками. А Муза замахивается скалкой и протягивает свиток.

Достоевский, напротив, начинает падать в припадке, изогнувшись дугой назад, а маленький ребеночек смело хочет его подхватить. Руки выбросил к спине Ф. М. Ребенок — в ночнушке до полу... не различить пол.

Был еще сон. Я в редакции «Урала», мне говорят:

— Вот за этим столом однажды сидел Чехов. Хотите сесть на минутку?

Я говорю:

— Так вы сделайте из проволоки силуэт, чтобы люди могли примерять, где была рука Чехова, где нога.

Проснулась и подумала: на скале, где снялся Пастернак близко к обрыву, можно тоже установить такой силуэт Пастернака, получится как бы дух поэта. (Это во Всеволодо-Вильве — см. фотографию Б. Л.) Будет похоже на силуэт человека, как его обводят после убийства. Но ведь советская власть убила его именно за «Живаго», в котором описана Пермь (Юртин).

А еще можно сделать памятник Пастернаку в стекле: «Мы были музыкой во льду...» (он вырывается и стеклянного шара, локти в сторону, стекло треснуло).

Смутно явилась идея еще одного памятника Пастернаку — с метельными нитями возле фигуры («Мело-мело по всей земле...»). Видела во сне, что у Беллинга (абстрактное «Трезвучие») взяли идею для «Трех сестер» чеховских в Перми. Но под

зонтиками. Зонтики должны быть вывернуты ветром. Это ветер судьбы. А может, это ураган революции...

А Бродскому памятник: он сидит на чемодане, как на фотографии, где он перед эмиграцией.

Обэриуты сидят за выпивкой. Заболоцкий щеку подпер, Хармс цилиндр приподнял, Олейников карася на вилку насадил, а Венденский — кентавр с рюмкой...

Худой Платонов (под Джакометти) вкручивает лампочку, которая мигает. И лучше, чтоб он лампочку ввинчивал в мировое дерево, а сам стоял на табуретке или на цыпочках (в неустойчивом положении). (Идея Славы Букура.)

Чуковскому — памятник в виде металлического дерева с туфлями, и из ствола лицо Корнея Ивановича вырастает.

Хлебников уверял, что между его глазами и буквами молнии проскакивали, когда он писал «Доски судьбы». Тоже бы памятник хороший получился (молнии сделать с помощью электричества). Или в виде маятника?

Памятник Чехову со срубленными цветущими вишнями. В каждой руке — загадочная маска.

Лев Толстой стоит возле трещины в земле (в виде змеи), с другой стороны трещины — колокол; каждый может ударить в него.

Три сестры на вокзале Пермь II, где уходит в Москву «Кама» — три огромные хризантемы со склоненными головами, а листья-руки в Москву — в Москву... Или уж лучше три фигуры на стене вокзала — сделать фреску в духе маньеризма: вытянутые фигуры.

Пушкину: бакенбарды, цилиндр, а лицо каждый будет просовывать свое, чтобы сфотографироваться. Примеряя к себе Пушкина.

А Гоголь — из прозрачного материала. Улыбка красная.

Видела по ТВ буквально синюю поленницу: дрова от ветра и дождя посерели и отливают синим, как деревянный дом у Шагала. Можно рядом с Александром Исаичем установить синюю поленницу.

Памятник трем сестрам можно сделать в виде трех переплетающихся змей, как в древней Греции... Слава говорит, что тени

трех сестер будут напоминать тени испарившихся японцев после атомной бомбардировки.

Памятник компьютеру — я чокаюсь с ним бокалом шампанского в новогоднюю ночь. Он ведь — мой товарищ! Помощник!

Памятник Кафке: чтоб он шел за руку с огромным насекомым...

Вчера послушала 10-ю симфонию Шостаковича. Как у Киры Муратовой в нескольких фильмах (герои бубнят по несколько раз одно и то же), Д. Д. нагнетает повторы, будто советской унылой повседневности, и вдруг рывок вверх! Сначала кажется, что пародировается советский пафос, а потом видишь, что душе хочется высокого.

— Кафка гений, потому что уничтожил литературного героя. Вместо него — вакуум, который, как в современной физике, полон виртуальных психочастиц. Это завершение тысячелетий западного литературного развития. Но после этого нужно снова вернуться к герою. (Слава Букур)

Мы считаем «Горе от ума» гениальным творением, а Пушкина оно задевало как выпад против его друга Чаадаева, который был жив и в опале. Реальная картина литературной жизни всегда сложнее. Чаадаев писал Пушкину: «Дружба с тобой заменила мне счастье».

Я ахнула: со мной это было не раз.

Я до сих пор пишу письма Чехову (и публикую в журналах).

Я помню: на конференции во Фрайбурге — 2002 год — мы с Приговым всякий день за обедом были рядом. Дмитрий Александрович все время острил. Одну остро-ту помню до сих пор. Я спросила: как сын. Он ответил:

— А что сын — он уже старше меня.

...Ночью все пошли к собору — там сна-ружи выдвижные ящички. В них оказались монетки. Марина:

— Это для бедных... а вдруг бы они от-крыли, а там — ангел...

— На ангела что купишь? — спросил Пригов.

(Без комментариев.)

Слава Букур за завтраком: «Архитекту-ра — это окультуренные скалы, соединение природы и культуры». А картинные гале-реи — это своего рода пещеры с расписан-ными стенами.

— Правда!

— Мы все по-прежнему хотим иметь ме-ста силы...

Видели отрывок «Ревизора» с Мироно-вым и Папановым. Я сказала: «Знаешь, от-куда городничий ничего не видит в конце? Это из «Гамлета». Король просил огня после «Мышеловки».

«Ваша щедрость встретит вас за гро-бом» — эти строки Седаковой, видимо, из Мандельштама («Ваша честность рай вам стелет»).

— Из Мандельштама и стихи Бродско-го («Если б меня смели держать зверем»). У ИБ: «Я входил вместо дикого зверя в клет-

ку...» У Пастернака «Старость — это Рим, который...» из Мандельштама, я думаю («Природа — тот же Рим...»).

Я заметила: «Нос» Гоголя вырос из «Мед-ного всадника» — сначала поскакал памят-ник, а потом по Питеру стал разъезжать нос.

Слава:

— Не все так просто. В народных сло-вомных сказках половые органы свободно разъезжают по свету и воюют вдобавок друг с другом. Нос всегда был заместителем муж-ского уда.

Пока я писала картины, Слава вслух за-читывал отрывки из «Гоголь без глянца». В гимназии он всех доводил «розыгрыша-ми». Одного товарища довел до больницы, уверяя, что у того «бычачьи глаза». Так покойная Таня Г. (поэт-пародист) рассказы-вала мне, как в школе все ее щипали за то, что она доводила одноклассников розыгры-шами. Видимо, такова природа сатириков и пародистов.

У Достоевского в «Дневнике писателя» черти не хотят, чтобы их существование было установлено с абсолютной точностью (так как сомнения расшатывают душу, и она легко падает вниз).

Соловьев поступал к Ромму и написал сценарий, в котором была фраза: «От нее пахло яблоками». На счастье Соловьева, тог да не было «Яндекса». Ромм попросил 45 мин. перерыва, рылись в Чехове — не нашли. Со-ловьева приняли, конечно, слава Богу.

А вчера открыла «Записные книжки» Чехова, на первой же странице: «Ивану не нравится Софья, потому что от нее пахнет яблоками».

Рильке: «Писать могут лишь те, кто умрет, если запретят писать...»
Я умру, если запретят.

Как-то мы были на выставке Мондриана. Сфотографировались, и оказалось, что он давно растворился в наших свитерах.

Звонил Сеня Ваксман: Гоголь в «Тарасе Бульбе» батальные сцены написал под влиянием Гомера, который тогда только что был переведен.

Я: но остальное-то не из Гомера — «Женитьба», «Ревизор». А из какого Гомера произрос «Нос»? Разве что моя любимая фраза «Природа словно спала с открытыми глазами» могла быть написана Гомером.

Видела повтор «Села Степанчиково» по «Культуре» (со Стебловым и Юрским). Монологи — о вине интеллигенции перед народом — Достоевский потрясающе показал, как опасен так называемый маленький человек. (Хотя и у Гоголя в «Шинели» это мелькнуло в конце). Да, многое является там пародией на Гоголя («Выбранные места...»). Так Гоголь ведь тоже «маленький человек»! Гениальный писатель, но как человек — «маленький человек», в конце начал призывать бить крестьян! Маленьким человеком нельзя любоваться, его нужно растить до «большого».

Да, котиков рисовали — в письмах из лагеря! Детям своим!

Я увидела несколько котиков на выставке писем и заплакала!

В лагере человек находил время для котиков, потому что находил силы для добра — для добрых мыслей!

То есть выставка «Папины письма» убедила меня еще раз: Шаламов не прав, не упомянув о той помощи, которую получал от сокамерников, они его упрекали потом... Я читала их письма в журналах! Ведь они помогли Варламу стать работником медпункта! Это когда он почти умирал!

Затем они же на три дня послали его готовить ветки, чтоб не попал он под переформирование. (Если б его снова перевели в другой лагерь, там бы ему уже не попасть в медпункт на работу! И он бы погиб быстро!)

Много было помощи от этих друзей! Но ни словом не упомянул их в своих рассказах великий писатель.

Мой друг В.С. говорил:

— Шаламов имел право не писать о долге в лагерях — так сильнее воздействовала его проза! Сильнее становилась ненависть к ГУЛАГу!

А мне дорога мысль Солженицына: человек до последнего сохраняет в душе крупицы добра — даже в лагере.

О Микеланджело. Оказывается, «Мальчик, вынимающий занозу» был частью усыпальницы Медичи. Спросила у мужа:

— Почему этот живой мальчик в погребальном комплексе?

— Заноза — это смерть. Помнишь, в Евангелии: смерть, где твое жало?

В разные годы у меня было разное понимание Джоконды. Теперь мне кажется, что улыбка рифмуется с ее кошачьими глазами — уголки вверх, и получается таинственный облик, загадочная улыбка. Полу-женщина-полукошка.

В Нью-Йорке появилась улица Довлатова! Написал когда-то Леня Быков: «Горланова — это Петрушевская, написанная Довлатовым!» В предисловии к книге «Подсолнухи на балконе».

Я сформировалась как автор до того, как прочла Петрушевскую и Довлатова. Вместо Петрушевского влияла на меня Фланнери О'Коннор. А вместо Довлатова — Шукшин.

Заглянула я в наш «Роман воспитания»: «...родная верная Доходяга». Я убрала слово «верная». А потом чувствую, что оно было нужно — для ритма! Ритм ведь тоже важен!

Если мастерство видно, значит, ты еще не мастер.

Разговор с Кальпиди.

— Виталий, тебе нравится современная русская литература?

— Нравится. На ее фоне так легко быть гением.

Вчера Чехова письма читать закончила. И снова ужас от того, что он умер! Так и хочется с колотушкой пойти по миру и кричать: «Пожар!» (так сделала мама АП). Мальчик из нищего детства — стеснялся, что отец сушит и продает спитой чай (а до сих пор его продают некоторые — не раз мы покупали такой в супермаркетах, увы). Написал все гениальное, построил много школ

и больниц на свои деньги! Письма последних дней так оптимистичны: покупка фланелевого костюма, планы путешествовать, помощь сыну приятеля. О, как мало мы помогаем детям своих приятелей!

Вчера звонил Семен Ваксман:

— Я бы сравнил тебя с пираньей, которая ничего не пропускает мимо — все в литературу. Вячеслав Букур:

— Ты не пиранья, а цветок, который превращает солнце и навоз в цветы и красоту.

Сосед по кухне бродил всю ноченьку напролет по коридору нашей коммуналки. И вдруг среди тьмы, комаров, растущих цен (я прямо их чувствую) меня осенило. Как же был несчастен Чехов, если его герои твердят: счастье придет через двести лет, через двести лет!

Вот такой трезвый автор, как Борхес, и тот считал, что в основе искусства — тайна. А уж Чехов — тайна тайн. Откуда эти пьесы, такие неяркие («сиджу на тумбе я»), а в них столько боли, столько подтекстов... сколько раз в пьесах повторяется «все равно» — огромное число раз! И из этого соткано чудо! Из изюма-то (как у меня) пироги легко печь, а вот из «все равно»... как?

О картинах, из моего выступления в «Архангельском» — на открытии моей выставки:

— Особенно Рембрандт не дает покоя. Приблизиться невысказанно, так я сюжетно ухитрюсь: в последние годы у блудного сына волосы делаю дыбом.

Слава Букур:

— Пушкин — всё для поэзии девятнадцатого века, Мандельштам — всё для двадцатого. Два семита — наше все.

Я дала интервью в Екатеринбурге. Корова подхватила меня на рога: это одновременно и мифологическая схватка со зверем, и похищение Европы. Журналистка:

— Если это так, то представляю, какая архаика будет клубиться на выставке над головами зрителей... Как вы определяете жанр своих картин?

— Тема одна: разговор в красках с самим собой.

Как я собирала деньги на памятник Борису Пастернаку.

Когда своим романом «Доктор Живаго» Борис Пастернак «весь мир заставил плакать над красотой страны», имелась в виду и конкретно уральская «краса» — аура пермского края с ее белыми ночами, так волшебного переданная в романе.

Юрятин — это город Пермь.

И я давно уже показываю гостям Перми (моим друзьям) библиотеку, где снова встретились Юрий Живаго и Лара, дом Лары, что напротив дома с фигурами, и пр. Так в Москве показывают дом Ростовых, а в Вероне — дом Джульетты.

Когда роман был запрещен (такое уж стояло тысячелетие на дворе), мы об этом говорили только в узких кругах. Но вот наступила эпоха гласности, роман напечатали, и пермская интеллигенция стала говорить: пора установить памятник Борису Пастернаку.

Все началось на нашем телевидении — в рамках краеведческой программы «Пермский период» удалось провести дискуссию: нужен ли Перми памятник Пастернаку (был

прямой эфир), в студию все время звонили пермяки и говорили, что нужен памятник... Ермаку. Видимо, для многих что Ермак, что Пастернак — все едино (тем более что в рифму).

Но ведь наше дело — игра на повышении. Если людям рассказать о поэте, они все поймут, оценят, будут гордиться. Но... было организовано открытое письмо пермских авторов, что нужен памятник Астафьеву. Как будто в Перми не хватит места на два памятника!

— Нина! На столе в «Тайной вечере» ты пишешь кусок арбуза, но арбуза не могло быть на том столе, если исторически подходить, — упрекает меня муж. (Но что делать, если для гармонии требуется красный цвет!)

«Культура» дала Симфонию №5 Чайковского под дирижерством Мравинского. Слава Букур:

— Живое мясо музыки ворочается.

— Почему скромность Чайковского мне милее бурности Вагнера?

— Это видимость скромности. Там гигантские смыслы!

Сегодня 175 лет Чайковскому, и я, написав три картины, включила «Культуру». Божественная музыка будет весь день — щемящее-протяжная, как наши просторы, затем вдруг бурная, как русский характер. Удивительно, что шестую симфонию считали «ничего нового»!

Черно-белый фильм кажется честнее.

Я полагаю, что нужно упоминать как можно чаще про нашу пермскую боль, у нас сидели все: Шаламов, Мандельштам, Ковалев, Буковский, Щаранский и Стус. Наши тексты про этих гениев и есть дань им.

Мелькнуло имя «Джоконда», и захотелось рисовать!

Об уникальности каждого акта писания картины: то настроение счастья — надо из благодарности к Богу написать, то — наоборот — преодолеть депрессию.

О моей выставке в Екатеринбурге: давно я мечтала где-то вывесить страуса — как бы мой автопортрет (иногда я прячу голову в песок, но иногда как побегу — и два десятка картин готовы!).

Брусиловский (гениальный художник): якобы Шагал «умер бы от зависти ко мне». Даже я растерялась... но Слава сразу шепнул:

— Не слушай! Он швейкует...

Брусиловский (в тосте):

— Ну, Нина, у вас наглость, вы в картинах все собираете. Все это останется. Ведь вы удерживаете любое пространство!

Готовлюсь писать с детками в онко абстрактную картину: сердце, вписанное в треугольник, вписанный в круг, который вписан в квадрат (символ свободы — стороны направлены в 4 стороны света). Внутри сердца — кто что хочет пишет (солнце, яблоко, конфету, маму, цветок и т. п.). Скажу: абстракция — это как пение соловья (смысл точно не ясен, но радует) или как карканье вороны (тревога).

Позвонил Леня Юзефович. Он сказал: «Пиши рассказы!» И добавил, что прочел уже четыре книги рассказов прошлогодней нобелиатки Элис Энн Манро! Что ее рассказы, написанные после того, как ей исполнилось 70 лет, особенно хороши! Родилась она в 1931 году, сейчас ей 85! Спасибо нобелевскому комитету! А то ведь наши критики на полном серьезе пишут, что не будут рецензировать и выдвигать на премии авторов пенсионного возраста! Причем сами эти критики тоже пенсионного возраста (смогут ли критики пенсионного возраста понять молодых авторов?)

Сегодня день рождения Марины Цветаевой. Помню: мы поехали в экспедицию — это в 66-м году. Было мне 17 лет. В Красновшерске стояли синие тома МЦ («Библиотека поэта»). Впереди было — пешком еще далеко, а мороз под 40. Я не хотела покупать толстую книгу, но руководитель экспедиции Сахарный Л. В. подарил мне ее. И в общезжитии филфака ее с полки украли в первую же ночь!

Читала в поездке дневники Пришвина: «Запретить вовсе литературу — значит, запретить половой акт. Долго не протерпишь».

Идея рассказа возникает именно из отношений между людьми. Никакого быта нет, есть философия в поступках. Если человек (герой) хорошо относится к людям — это одна философия, если плохо — другая, если избранно — третья, и т. д.

У меня в любом маленьком рассказе столько идей, что хватило б на роман! Так

пишут критики. «Акушерочка» не просто перепутала детей! Она отказалась от пенсии! Ею овладела идея покаяния и расплаты. Никто ее не лишал этой пенсии! Она сама просто отказалась.

Достоевский (из письма племяннице): «А занимательность, я до того дошел, что ставлю выше художественности». Я думаю, что тут много правды — без занимательности никуда. Но мало одной занимательности! Весьма занимательны детективы, а совсем нет художественности.

После бессонной ночи с соседом рассказ «Чур» вдруг пошел! До этого не двинулся с места. Как говорит дочь:

— Бедные вы люди, писатели! Столько вам надо страдать, чтоб писалось!

Скопировала из интернета для рассказа, в котором есть черепаха: «Ну точно весна! Черепашка все просит и просит еду». А Слава думал, что это хокку. Но в хокку не может быть в первой строке объяснение — тогда зачем продолжать. Я сделаю так:

*Черепашка приползла —
Все просит и просит еду.
Точно — весна!*

Ездил к дочери — брови выше поднять, как я говорю: «ближе к Богу».

И столько «болдинской осени» получила! Рябина вся в цветаевских страстно-красных кистях! Яблоня — в петрово-водкинских плодах! Молодой клен — пятипалый,

как у Тарковского! Все просят: напиши нас! И два подсолнуха на мусорке головы повесили: мы уже коричневые — не ваноговские... а их я тоже не оставляю без внимания, конечно!

Внук четырех лет из сада принес песню:

— Боже, какой мужчина — я хочу от него сына, я хочу от него дочку — и точка...

Я вот от яблони хочу и от рябины. Мои картиночки — тоже дети! Только картона нет как нет.

Люди — это почва, на которой книга, как целительное растение, каждый раз должна снова взойти.

— Сила этой книги в том, что встречается несколько потрясающих предложений.

Слава Букур:

— А у Достоевского насчет потрясающих предложений почти полный провал — у него одни души горящие.

Почему-то к Шопену я с ранней юности была почти равнодушна. Еще подруги играли все время его, пять лет студенчества — Лена и Шура! И вот вчера Кисина услышала. Говорю:

— Какое спокойствие нахлынуло, а это для меня почти счастье. Вся депрессия зашелушилась и отпала, как чешуя.

Слава:

— Как будто нож целебный мне тоску отсек.

А я вот всегда говорю, что можно не знать. Муж изменял мне очень, а я не знала, только один раз сон видела про его измену. Многие считают, что Цветаева делала вид, будто не знает про службу мужа в НКВД. А я говорю, что можно и не знать.

У Коровина в «Женщине с букетом сирени» у нее женщины вместо ног какие-то почеркушки горизонтальные.

Слава:

— Это означает: и так далее...

Вчера ездила к детям в онко. Я учу их писать картиночки акрилом. Писали котиков. Перед приходом такси я сказала Славе:

— Волнуюсь. Как все пройдет? Сложно ведь котика писать. Справятся ли они? Это не рыба, не цветы...

— Так расскажи о нашей кошке Мирзе.

О, я рассказала, конечно! А Элечка — мой куратор — рассказала такую историю. Назовем ее «Сфинкс и роза».

— Заболела роза. Она сначала перестала цвести, затем покрылась тлей, наконец полностью засохла. Я продолжала ее поливать, надеясь на чудо. И чудо случилось! Наш кот сфинкс, с голой кожей, стал прыгать на подоконник — к горшку, терся о лючки, типа говоря: «Я понимаю, ты хочешь быть похожей на меня, самого голого, самого красивого на свете, но не настолько же!» Он нюхал розу, лизал, что-то нежно-нежно мурлыкал ей, метил. И вдруг тля исчезла. Затем листья появились. А вчера она расцвела алыми пышными цветами!

— Роза для кота — Мурка! — сказал Данила.

(Прям Экзюпери!)

Дети превзошли все мои ожидания!

Сфинкса с голой кожей написала Катечка, я опять уж хотела встать на колени, чтоб она не записала шедевр свой, но удалось все же уговорить без коленей! Спасли картиночку!

Новая девочка написала кота, как «Блудного сына», в духе Рембрандта — цвет старого золота! Не кот, а философ!

У Сережи, который каждый раз пишет по две картины, словно фарфоровый котик вышел — белоснежный!

Самый «сутинистый» кот — одноглазый и лохматый — потряс меня своей асимметрией! Я сначала просила его себе, домой, но спохватилась — нельзя обижать детей! Напишу в этом духе сегодня.

Был там и трагический кот — с огромными зелеными озерами глаз.

Был синий кот! И черный! Кот в горошек! Кот с бантиком! А вы как думали?!

Родился в этот час и кот в зеленых розах (изумительный!). Похож на коврики, что бабушки продают на рынке. Я не придумываю — весь в зеленых розах! Видимо, так инопланетно некоторые видят мир — на котах розы, причем зеленые. Прекрасно!

Пять или шесть человек на этот раз захотели по две картины написать! Просто не смогли остановиться!

Я всех детей перецеловала (человек двенадцать? пятнадцать?). Конечно, говорила, что у них будут выставки в Париже.

— А когда прославитесь — приходите в эту больницу и занимайтесь с детьми, как я с вами сейчас.

Когда я звонила в Сарс, спросила про всех. И к слову Вера говорит:

— А мы слышали о тебе по телику. Сообщают, что ты ложку расписываешь.

Ложку!.. Оттенок славянофильства какой-то. Что-то есть в этом довлатовское: ТВ общает о расписывании мною ложки.

Ночью думала: есть слова, от которых хочется писать рассказы и картины (Джонконда, Баранов), а есть слова, от которых хочется жить (васильки). Когда я шла от Тауша в Верх-Емаш (в деревню бабушки Кати) пешком 3 км, там в поле голубели васильки. Иногда встречался розовый василек. Я в мечтах о будущем радовалась (обычно же дома я не была радостна, потому что тяжелый быт заслонял все).

ВК:

— Автор в процессе творчества ухудшает свою душу, а читатель улучшает.

Я не согласна!

Ну читали энкавэдэшники Пильняка, Бабея, Гумилева, Мандельштама. Улучшило ли это их? Сомневаюсь. Есть несколько случаев, что авторы стали писать хуже (Шолохов, Фадеев, Федин, Тихонов), но не в процессе творчества, а в процессе приспособления к политическому моменту! (Перестали творить.)

Вчера слушали «Реквием» Моцарта. Кажется, это был немецкий хор. Лица какие-то совсем не наши. Но как запели — Боже мой! Тут было все: вопль о помощи, сила судьбы! Я заплакала.

Августейший читатель!

(Теперь только так! Читатель драгоценен, он практически один на этот текст, на любой текст.)

Слава Букур считает, что из-за тяжелых имперских нагрузок русская нация так и не сформировалась. Государство растоптало нацию. Достоевский принял это за всемирную отзывчивость!

Пишут: если б «Фейсбук» был в 30-е годы... Я сразу подумала: для меня бы это был ужас! Набокова рано прочтя, я бы попала под влияние! А так повезло: я до чтения Набокова сложилась как автор!

Я хочу написать лоскутное одеяло, хотя Слава называет это «конструктивизм для бедных». Мол, надо на нем что-то... Так я уже писала и ню на лоскутном, и букет на фоне лоскутного.

Вчера видели программу о Феллини. Он в свое время сказал: «Мой зритель умер». А наш читатель тоже умер. Слава, правда, говорит: снова народятся наши читатели.

Говорю мужу за завтраком:

— «Алису в Стране чудес» я в последний раз читала детям в девяностом и совершенно не вспоминала! Тут в «Игре в бисер» процитировали сцену абсурдистского суда из «Алисы». Это точно суд надо мной! Сколько нужно перенести, чтоб полностью понять Кэрролла.

Муж ответил по-букуровски:

— Мир внимательно выслушал все претензии к нему и повернулся на другой бок.

Я не ценила Шукшина, пока мое тяжелое детство во мне жило: сенокос, корова, которая меня на рога поднимала. Что такого в Шукшине? Ничего — у нас такая там жизнь, он — натуралист. И лишь когда детство забылось, я полюбила Шукшина за его доброту и юмор, искренность и смену точек зрения автора (и т. п.).

Слава: «Литература милостива, она оставляет автору самого себя, а живопись всего автора забирает... тем более музыка!»

— А Хлебников? Его всего литература забрала.

— Он к литературе относился, как к такому миру, в котором он хотел все время жить.

Слава у меня спросил:

— Почему актуальное искусство, которое казимиристее Казимира, любимо всеми правительствами всего мира?

— Потому что оно называется актуальное, а на самом деле не касается актуальных социальных проблем, тем более — политических, оно ни к чему не призывает — никогда не в оппозиции.

Шла вчера по «Культуре» передача про Олешу. Очень подробная. Ну, все знают, что после войны он не мог более писать гениальное — пил, просил милостыню.

Но про главное «Культура» не сказала ни слова!

А все ведь знают: не талант его предал, а он сам. И причина — не в алкоголизме (алкоголизм — следствие). Причина — его выступление против Шостаковича.

Олеша любит Шостаковича и восхищается им, но партия не любит Шостаковича, и Олеша не любит. Партия сказала про сумбур — значит, и Олеша должен найти сумбур.

Искусство ревниво — ты отошел от него на шаг, а оно от тебя — на сто шагов.

Мандельштам вырвал из рук Блюмкина расстрельные ордера и порвал. А наши поэты в 2016 году страстно доказывали мне, что Сталин — гений. Я говорила:

- От Сталина твой отец пострадал! А ты!
- Отдельные ошибки были.
- Отдельные многомиллионные ошибки.

Ильин написал: если мои книги нужны России и Богу, то Господь их сохранит, а если не нужны, то и мне они не нужны. А я так и говорила в последние годы про мои и наши соавторские книги. И про картины тоже.

Не ставят наши пьесы, а хочется их писать (потому что это особое удовольствие — буквально как в «коробочке» Булгакова: что-то кто-то показывает тебе).

Л. про мой портрет Мандельштама:

— Понимаю — его одежда цвета морской волны, потому что он написал: «Я список кораблей прочел до середины» — бредил морем...

— Да, он бредил Гомером... но одежда — больничный халат в Чердыни.

Слава Букур:

— Назови выставку «Приближение к Абсолюту». А картины будут называться так: «Попытка 1», «Попытка 2» и т. д.

Разговор со Славой о Шимановском, о других. Я не считаю Баха номером один, хотя все считают. Разговор Бога с самим собой... и все. А Моцарт и Бетховен для меня — разделили первое место. Потом второе разделили Чайковский и Вагнер. У Вагнера Слава ценит мощь, а я ценю его сказочность. У Чайковского я люблю ту боль внутри музыки, которая у Достоевского определена так: много страдала, да еще

бы знать — добра ли она (Настасья Филипповна — страдала, но вот если б осталась добра). У Каллос в голосе была эта же боль.

Вчера говорила с поэтом В. Он считает, что писать нужно так, чтоб читатель завизжал от восторга. А у меня другой критерий хорошей прозы: если мне хочется куда-то бежать и дарить подарки, значит, книга хороша.

Написала сегодня много больших картин. Ведь страус — автопортрет: то голову в песок прячу, то побегу-побегу — нарожаю детей, возьму приемыша, напишу много рассказов и картин! Потом Наташа уходит (или муж)... я лежу в депрессии и т. п. Богородицу как писать — обдумываю: внизу несение креста, может, набросаю (симультанность).

Новый супрематический петух — крик изобразила в виде мелких абстрактных форм.

В советское время я не так унывала — думала, что после смерти напечатают (они любить умеют только мертвых), а теперь не верю. Тело литературы содрогнулось и умерло.

Ушла из жизни Ира Христоробова, пермская детская писательница. Детские книги пишут, видимо, особые авторы. Я вот всю жизнь мечтаю написать, и начаты двадцать-тридцать, но... И не в том дело, что я не люблю детей — я их боготворю! А Хармс говорил, что не любит! Но у него гениальные стихи для детей.

Однажды я была с Линой Кертман у Иры дома — кажется, это были години (смерть любимого мужа стала для нее трагедией). Там собрались лучшие журналисты и писатели Перми. Атмосфера счастья, понимания, нежности, смех сквозь слезы и так далее. И я потом много читала в мемуарах о Решетове, что дом Иры был домом необыкновенным, открытым для друзей и знакомых. Там черпали силы, сюжеты, ну и обедали (Ира вкусно, изысканно и щедро кормила, что говорить). Так и у меня был такой же открытый дом. А не написала я для детей ни-че-го.

А вот что: собрались мы недавно на вечер памяти нашего поэта — Леши Решетова. Там читались его стихи, и вся история XX века пролилась: деды были погублены советской властью почти у всех, отцы побывали в ссылке почти у всех, брат Решетова повесился уже после смерти Сталина, потому что его преследовали...

И я решила сменить тему — немного рассказала веселых историй. Как в день рождения моего мужа Решетов с порога заявил:

— Спасибо тебе, Нинка, за то, что ты Славку родила! (и т. д.)

И тут Ира — не рассмеявшись — заметила тихо:

— Интересно, что с Нинкой он вот так общался, а мне всю жизнь говорил только одно: «А ты молчи!»

А Иру уже перевели в Японии, а ей уже прислал восторженное письмо сам Левин, автор «Глупой лошади»! Но — «ты молчи!» Значит, Ира молчала? Она одна нашла столько любви к Решетову, что играла на его поле! Ему так нужно было, чтоб кто-то поклонялся-подчинялся! Он был так одинок, как одиноки все большие поэты...

По «Культуре» читают последний том «Войны и мира». Я ранее говорила, что не встретила Платонов Каратаевых, а вот тут вдруг вспомнила, что моя бабушка Анна Денисовна была такова, ее муж — Сергей

Дмитриевич — тоже! Это приемные родители папы! Бабушка только могла носом швыркнуть, если что-то ей не нравилось... но никогда ни слова! Ни интонации другой, кроме смиренной!

Кого-то спросили: о чем сожалеет — какую картину не вы написали? И я сразу ответила о себе: «Сожалею, что я не написала ни одного китайского пейзажа!»

Видели по каналу «Культура» «Леди исчезает» — британский фильм 2013 года. О юной богатой девушке, которая решительно спасает чужую женщину. Рискуя собственной жизнью! Вещь, совершенно невозможная у нас. Ни в жизни, ни в искусстве.

Слава читает в сотый раз Гомера: «Знаешь, почему Одиссей убил женихов, хотя они обещали в десять раз возместить все, что съели? А он честь свою защищал — честь царя была нужна для равновесия мира».

Разные мысли о том, что главное в Мандельштаме. Что удивляет. Что любимое.

Для меня все главное в нем! И связь времен (Эллады и острой современности), и такая жажда тепла, что он не только «не волк по крови своей», но и «спичка серная его б согреть могла». От него я никогда не устаю (томик лежит возле компа, я его открываю каждый день!). А как он вырвал ордера расстрельные у Блюмкина!

— «Лестницу Ламарка» больше всего ценю! Человеческая личность существу-

ет миллионы лет и постепенно собирается в выраженную личность — в оформленную. (Слава Букур)

— «До чего аляповаты, до чего как хороши» (Мандельштам). Тут секрет волшебства в захлебе — в избыточном «как». А мы всю жизнь старались лишние слова изгонять. Но правил нет — иногда хороши лишние. (Я)

Вчера туман за окном был лохмат и сказочен. Слава сказал по телефону внучке, что «послал» кусочек тумана ей в посылке. Она в ответ отправила ливень. После звонит:

— Пришла моя посылка с дождем?

— Пришла, но там гроза разразилась, гром гремит — мы боимся ее открывать. Зато я послал тебе кусочек солнца по почте.

Казалось бы: вот уже есть начало книги для детей: пришла посылка — там гром гремит. Но нет, не пишется такая волшебная книга. Мало во мне детского? В картинах — много, а в литературе — увы.

А разве мне можно было сказать: молчи! Такое бы я в ответ сказала! Неужели в этом отличие детского писателя от меня?

Слушаем по «Культуре» оперу «Евгений Онегин». Уже дуэль. Я жду дальнейшего с таким интересом, словно никогда не слышал, хотя сто раз, причем именно этот состав год назад! Но каждый раз я жду: в конце Онегин получит возмездие — это и дает нам утешение.

Учитель литературы один раз стремительно вошел в класс и сразу перевернул первую парту — ученицы полетели на пол, сверкая бельем розовым. Он выкрикнул: «Вот так Октябрьская революция все перевернула в сознании Блока!»

Говорят: Шекспир не писал свои пьесы, он был актером, ему бы не хватило образования, чтоб все это сочинить. Но вот Андрей Платонов! Никто же не сомневается, что он сам написал свои гениальные вещи (рукописи остались)! Платонов и есть доказательство того, что Шекспир сам все написал...

Как только муж собирается от меня уходить, я говорю: «Ты такой талант, ты почти Чехов! Как я буду без тебя писать!» Слава иронично произносит:

— Я — чайка (и остается).

Слава работал сторожем в синагоге и преподавал еще иврит. Однажды у него украли Тору. Но что плохо для жизни, то хорошо для сюжета — повесть получилась! («Сторожевые записки»).

Слава смотрит репортаж о новой трактовке Чехова: «В «Вишневом саде» если новизна нужна, то Лопухин пусть будет китаец»...

За завтраком говорю:

— Ночью читала Басинского. Толстой сего «радостным» отношением к смерти детей какой-то ужасный.

— Так гений — не человек, это явление природы. А мы не осуждаем вулкан за то, что он лавой льет. (Слава Букур)

Я боялась закончить, как Пастернак: заявить в конце жизни, что пошлость меня побе-

дила. Но дошло уже до того, что стала иногда это произносить. Ведь как посмотришь вокруг: коррупция, народ спивается! Так хочется бежать куда глаза глядят! Только русский язык, любимый русский язык еще удерживает.

И вот в страшную дату — год со дня захвата школы в Беслане — вдруг в иностранном фильме я вижу: Аслаханов повез Путину список из 700 знаменитостей, которые были согласны обменять свою жизнь на детей в Беслане (заложников)!

Не 7 и не 17, не 70, а 700!

Уверена: немало среди них лучших писателей-поэтов!

И никто нам — россиянам — не опубликовал такой список! А ведь мы бы год — целый год! — жили с мыслью, что у нас 700 святых! Среди элиты! Не так уж она плоха! Это бы всех нас возвышало!

Но до сих пор эти 700 фамилий нам не известны...

— Писатели такие простые — на лесть сразу покупаются, — сказала Л.

— Ты думаешь, это говорит о нашей простоте! Наоборот — это говорит о нашей сложности! — ответил Слава Букур.

— Каким образом?

— А мы плывем в этом потоке лести и выплываем на сюжет какой-то — о тебе...

Мне часто снится один сон: я потеряла якобы свой рассказ, выглядываю в форточку — мой рассказ там, за окном, он... метет двор (в виде такой высокой дворничихи с маленькой головкой, как в карикатурах).

У Бредбери минимальные фантастические допущения и громадные выводы. Только большой талант может так писать.

— «Как бы» — неопределенный артикль уже сейчас, — сказала я.

— А «бля» — определенный, — добавил муж.

Показывали интервью с Астафьевым (из архива). И вдруг сверху на В. П. села муха. Довольно большая черная муха на светлых волосах — она приковала все внимание, я уже не слышу, что говорит Астафьев, хотя и пытаюсь слушать.

Сам В. П., естественно, не чувствует, что муха села, и говорит очень важные слова, очень! Но я тык-пык — пытаюсь их ловить, а не могу — муха!

Оператор мог бы процитировать Олейникова («Я муху безумно люблю») и под этим соусом муху прогнать, подумалось мне.

Но оператор сделал другой ход: крупный план! Только глаза и губы остались на экране. Мухи уже не видно, и я дальше слушаю.

Муха, конечно, Астафьева не унижала, но она унижала, в какой-то степени, оператора, и он быстро нашел выход из положения.

Это я все вот к чему. На днях у меня маленький томик Мандельштама (пермский, который я держу под рукой у компьютера) вдруг... встал. То есть я стала его отодви-

гать, а он не лег, но встал. Я вслух подумала: могилы нет с памятником у Осипа Эмильевича — пусть томик вот постоит как памятник. Но в то же время я догадалась, что будет у меня проблема с Мандельштамом — не знаю пока какая.

И вечером открываю ЖЗЛ о Мандельштаме. А там — портрет Сталина! Меня это оскорбило просто! Даже портрет Брежнева в ЖЗЛ о Бродском не так бы оскорбил. Конечно, Осипа Эмильевича это не унижает. Но меня как читателя унижает. Вырезать, что ли, этот ужасный портрет?

Большой стиль Улановой: в каждом движении — по империи...

Слава видел во сне: в деревне в одном доме хор репетирует. И хор стоит возле дома, а дирижер из окна открытого говорит: «Пойте из всех себя, из всего этого луга и из всего этого неба!»

(Вот что я подумала: так и нужно создавать любое произведение. Только я-то умею писать рассказы лишь из всей себя да картины — из всего «луга», а вот из всего неба я начну еще учиться.)